

«ВЕРЮ В ТОРЖЕСТВО МУЗЫКИ...»

«Дорогая редакция, недавно мы всей группой побывали в опере, — пишут нам студенты III курса политехнического института, — слушали «Иоланту», получили от спектакля огромное удовольствие. Особенно понравилось, как пел партию Водемона Михаил Мунтян. Просим передать ему благодарность за его прекрасную работу. Расскажите, как идут дела у этого певца после возвращения со стажировки в миланском театре «Ла Скала»? Н. Каранфил, В. Наку, С. Войтенко».

— Михаил Иванович, как мы ответим на это письмо! С чего начнем?

— Пожалуй, с того, что каждому артисту приятно, когда его труд признан зрителем. Но я радуюсь не только этому. Я счастлив, что молодежь любит, умеет ценить высокую красоту оперного искусства. Это дороже всего. Это обязывает, это зовет к неуспокоенности.

— Авторам письма, да и, наверное, многим читателям интересно знать, как вам работаете после стажировки в «Ла Скала». Но прежде, чем услышать ответ, я предлагаю вернуться в октябрь 1973 года. В день премьеры «Евгения Онегина» в Молдавском оперном театре вы впервые спели партию Ленского. После спектакля я спросила вас, тогда еще совсем молодого вокалиста, что для вас самое главное в избранной профессии. Вы сказали: «Научиться так верить музыке, чтобы ею и только ею волновать зрителя». С тех пор прошло почти семь лет. Вы спели много ведущих партий оперного репертуара, стали заслуженным

артистом республики, прошли профессиональную учебу в «Ла Скала». Словом, с годами многое изменилось. Как бы вы сегодня ответили на тот мой вопрос!

— Пожалуй, я ответил бы так же. Да, безусловно! Только вера в торжество музыки приводит оперного певца к тому, что дороже всего, — контакту, сопереживанию со зрительным залом. Я и сейчас это исповедую. Правда, дистанция времени позволила многое переосмыслить и понять, многому научиться. Ведь в нашей профессии понимать мало — надо уметь. У меня нет оснований сетовать: моя творческая судьба складывалась до сих пор хорошо, каждая новая встреча с моими героями давала мне повод и для раздумий, и требовала труда. Я никогда не ленился. Но когда сегодня я вспоминаю своего Ленского тех лет, я понимаю, как много душевных и физических сил требовал от меня этот образ. Вокальных трудностей я не испытывал, вернее, не осознавал. Пелось легко. А вот плас-

СУББОТНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

тической свободы не было. Мешала какая-то скованность. Я теперь понимаю, что просто стеснялся. Да, представьте! Стеснялся дать волю чувствам, которые меня охватывали. И вот среди первых выводов миланской стажировки для меня главной стала цель добиться такого слияния с музыкой, чувствами и мыслями композитора, чтобы пришла полная свобода сценической жизни. Именно так работал я в Миланском театре над партией Ричарда в опере Верди «Бал-маскарад». Именно эти особенности, будто неуловимые, но заполнявшие все существо героев знаменитого итальянского тенора Паваротти на спектаклях «Богема» и «Аида», стали для меня школой настоящего вокального мастерства.

— И вот вы снова на родной молдавской земле, на родной оперной сцене. Какое чувство было первым и самым сильным!

— Конечно, волнение! Я понимал всю естественность вопроса: что почерпнул актер-вокалист, получивший возможность стажироваться в знаменитом «Ла Скала»? Возможно, от меня ждали большего, чем я сразу мог выразить. Но что бесспорно владело всем моим существом, — это огромный прилив творческих сил. Я очень поверил в себя, в какое-то новое качество, которое обязательно скажется, поможет выразиться звучавшему в моей душе торжеству музыки. Именно с этим настроением стал петь и Ленского, и Манрико в опере «Трубадур», работал над партией Калафа в опере Пуччи-

ни «Турандот».

— Специалисты считают эту партию настолько трудной в вокальном отношении, что нередко ее в одном спектакле поручают петь двум певцам. Что вы скажете об этом!

— В вокальном отношении это, действительно, как говорят, «кровавая» партия. Но я не жалею. Я полюбил моего Калафа и с радостью шел на преодоление всех тестисурных трудностей. Но дело не только в вокале. Джакомо Пуччини говорил: «Есть три возможности у оперы: заинтересовать, растрогать и поразить». Пока в этой триаде для меня многое не выполнено. Но одно, по-моему, определенно состоялось: зритель заинтересованно отнесся к этой работе театра.

— Для многих певцов образ Хозе в опере Бизе «Кармен» труден не только вокально, но и из-за огромного внутреннего драматизма судьбы героя. Как вы, певец лирического плана, осваивали эту партию!

— Видите ли, я думаю, что и лирические натуры способны переживать глубокие человеческие страдания... Для меня в этой работе было главным передать гениальной музыкой Бизе трагедию отвергнутой любви. И чем больше я пою эту партию, тем все больше Хозе становится моим любимым героем.

— Что интересного, нового в ваших творческих планах!

— Предстоит трудная работа — освоение партии Турриду в опере Пьетро Масканьи «Сельская честь». Но главное, чем я сейчас очень увлечен, — работа в будущем спектакле, который мы готовим к открытию нового здания театра. В опере Д. Гершфельда «Сергей Лазо» мне поручена главная партия. Встреча с нашим национальным героем — моя давняя мечта. Очень хочется ее достойно осуществить.

— Возможно, не все наши читатели и поклонники вашего творчества знают, как просто вам будет исполнить задуманное. Ведь немало времени и сил вы отдаете общественной работе, избраны секретарем партийного бюро театра. По-видимому, нелегко все это совмещать.

— Нелегко. Но не тягостно. Я очень верю в то, что и партийные дела театра — это прежде всего творческие дела. Дела, направленные опять-таки к торжеству всеми нами любимой музыки.

Беседу вела Л. ДОРОШ.

НА СНИМКЕ: заслуженный артист МССР солист Молдавского театра оперы и балета Михаил Мунтян в партиях Калафа («Турандот») и Княжича («Чародейка»).